

УДК 343.32:343.21 (575.2)

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г.Б. Жунушова

Обозначена общественная опасность экстремистских преступлений, рассмотрены проблемы экстремистских преступлений с учетом законодательного определения экстремистской деятельности, предложено выделение таких преступлений в отдельную группу преступлений с учетом мотивации субъекта и объекта посягательства.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистская деятельность; экстремистские преступления; уголовное законодательство; мотив преступления.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН КЫЛМЫШ-ЖАЗА МЫЙЗАМДАРЫНДА ЭКСТРЕМИСТТИК КЫЛМЫШТАРДЫ АНЫКТОО МАСЕЛЕСИ

Макалада экстремисттик кылмыштардын коом үчүн коркунучтуулугу белгиленди, экстремисттик ишмердиктин мыйзам тарабынан аныкталышын эске алуу менен экстремисттик кылмыштар маселеси каралып чыкты, субъекттин иш-аракетине түрткү берген жүйөнү жана кол салуу объекттин эске алуу менен, мындай кылмыштарды өзүнчө топтогу кылмыштарга бөлүү сунушталды.

Түйүндүү сөздөр: экстремизм; экстремисттик ишмердик; экстремисттик кылмыштар; кылмыш-жаза мыйзамдары; кылмышка түрткү берген жүйө.

PROBLEMS OF DETERMINING EXTREMIST CRIMES IN CRIMINAL LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

G. B. Junushova

The article outlines the public danger of extremist crimes, examines the problems of extremist crimes, taking into account the legislative definition of extremist activity. It is suggested that such crimes should be singled out as a separate group of crimes, taking into account the motivation of the subject and the object of encroachments.

Keywords: extremism; extremist activity; extremist crimes; criminal law; the motive of crime

В настоящее время продолжается борьба с проявлениями уголовно-наказуемого экстремизма. Государством предпринимаются многочисленные меры по недопущению распространения экстремизма в Кыргызской Республике. Так, в числе прочих предупредительных мер в Кыргызской Республике принят Закон Кыргызской Республики “О противодействии экстремистской деятельности” от 17 августа 2005 г. № 150 [1]. В уголовном законодательстве Кыргызской Республики предусмотрен ряд статей, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, принята Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму

на 2017–2022 гг. и пр. Также следует отметить, что Кыргызская Республика является участником многосторонних соглашений о борьбе с экстремизмом: с 2002 года наша страна является участницей Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [2].

Однако ситуация остается все еще сложной. В стране продолжается интенсивный рост числа приверженцев религиозно-экстремистских воззрений, причем наибольшее количество экстремистских организаций сосредоточено в южных регионах страны с постоянным распространением в северном направлении. Верховным судом Кыргызской Республики к 2017 г. был признан экстремистским ряд религиозных организаций, в числе

которых: “Аль-Каида”, “Асбат-аль Ансар”, “Братья мусульмане”, “Хизбут-Тахрир-аль-Ислами”, “ХТИ”, “Движение Талибан”, “Исламская партия Туркестана”, “Джабхат ан-Нусра”, “ИДУ”, “Жайшуль Махди” [3] и др. При этом, если в 2010–2011 гг. в Кыргызской Республике были признаны экстремистскими и запрещены 8 организаций, то по итогам 2017 гг. число таких организаций увеличилось до 20.

Однако, по нашему мнению, все предпринимаемые на законодательном уровне мероприятия не достигнут должного эффекта при остающихся недостаточно разработанными доктринальными аспектах проблемы ответственности за преступления экстремисткой направленности и дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Предваря рассмотрение признаков составов экстремистских преступлений в уголовном законодательстве Кыргызской Республики, считаем целесообразным остановиться на исследовании понятия экстремизма, так как без четкого понимания, что же представляет собой данное явление в уголовно-правовом значении, невозможно четкое закрепление признаков соответствующих уголовно-противоправных деяний и их единообразное применение и исполнение правоприменителями. По нашему мнению, следует согласиться с утверждением И.С. Макеевой о том, что: “разработка понятия экстремизма – одна из самых сложных проблем науки и практики борьбы с преступностью” [4, с. 91]. Приведенное мнение представляется актуальным в связи с тем, что, несмотря на весь значительный объем нормативно-правовых актов, регламентирующих правовой запрет экстремистской деятельности, общее понятие экстремизма не выработано и все еще вызывает многочисленные дискуссии в доктрине уголовного права. Также заслуживает внимания мнение Е.Б. Кургузкиной, которая отмечает, что для эффективной работы по профилактике экстремизма, а также для уголовно-правовой защиты общества от крайне-радикальных деяний необходимо теоретическое обоснование, важнейшим направлением которого является выработка научного понятия данного негативного социального явления с целью отграничения экстремистской деятельности от любой иной [5, с. 101].

Таким образом, для того, чтобы уголовное законодательство в рассматриваемой сфере было действительно эффективным, требуется определение четких критериев, по которым бы определялось наличие признаков экстремизма в совершенном деянии.

В целях определения такого критерия обратимся к нормам действующего законодательства Кыргызской Республики.

Так, в Законе Кыргызской Республики “О противодействии экстремистской деятельности” термины “экстремистская деятельность” и “экстремизм” употребляются как слова синонимы. Понятие экстремистской деятельности (экстремизма) закреплено законодателем через последовательное перечисление альтернативных действий и видов деятельности, в числе которых:

“1) деятельность общественных объединений или религиозных организаций либо иных предприятий, организаций и учреждений, а также средств массовой информации независимо от форм собственности, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных: на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Кыргызской Республики; на подрыв безопасности Кыргызской Республики; на захват или присвоение властных полномочий; на создание незаконных вооруженных формирований; на осуществление террористической деятельности; на возбуждение расовой, национальной (межэтнической) или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; на унижение национального достоинства; на осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной (этнической) или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной (этнической), религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

2-1) пропаганда атрибутики или символики экстремистской организации;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств” [1].

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сужает понятие “экстремизм”, под которым предлагает понимать: “какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон” [2].

Ни действующий Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. [6] (далее УК КР), ни новый Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. [7] (вступающий в действие с 1 января 2019 г.) (далее – новый УК КР) не раскрывают понятия экстремизма. Однако в каждом из названных нормативно-правовых актов предусматривается ряд различных общественно опасных деяний, закрепленных в самостоятельных составах преступлений, содержащихся в разных разделах и главах, их объединяющим показателем выступает существование общего для всех такого признака субъективной стороны, как мотив субъекта – ненависть или вражда в отношении иной (социальной, национальной, расовой, религиозной и т. п.) группы людей. В действующем уголовном законодательстве Кыргызской Республики с учетом законодательного закрепления экстремистской деятельности, предусмотренного ст. 1 Закона Кыргызской Республики “О противодействии экстремистской деятельности”, к составам экстремистских преступлений следует отнести деяния, предусмотренные ст.ст. 134, 226, 226-3, 226-6, 229, 233–235, 294–295-1, 297, 299–299-3 УК КР и др.

С учетом изложенного считаем возможным согласиться с утверждением В. Кашепова о том, что для такой условной группы составов экстремистских преступлений мотив ненависти и вражды является обязательным [8, с. 33]. Представляется, что такой мотив можно расценивать как критерий отнесения каких-либо общественно опасных деяний к экстремистским преступлениям независимо от их объективных признаков. Таким образом, несколько дистанцируясь от традиционного для уголовного права разграничения преступлений по признакам объекта посягательства, в данной классификации с учетом законодательного закрепления видов экстремистской деятельности группа экстремистских преступлений (экстремистской направленности) отграничена с учетом субъективного признака – мотива совершенного преступления.

Целесообразность выделения данной группы преступлений также признавала Л.Ч. Сыдыкова: “...следует признать отсутствие четких критериев классификации экстремистских деяний. В этой связи можно было бы предложить все экстремистские деяния рассматривать как криминальные. Далее все криминальные деяния следует классифицировать на следующие группы: преступления экстремистской направленности и собственно экстремистские преступления” [9, с. 87]. Признавая справедливость и целесообразность выделения таких групп преступлений, отметим, что выделение таких групп преступлений целесообразно производить с учетом видового объекта посягательства. Тем самым будет достигнута задача отображения непосредственной сущности экстремизма в нормах уголовного законодательства.

В настоящее время отечественная доктрина уголовного права не выработала единый подход к вопросам определения понятия “преступления экстремистской направленности”. В раскрытии данного понятия предлагаем отталкиваться от сформулированного российским законодателем определения преступлений экстремистской направленности, содержащегося в примечании 2 ст. 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: “Под преступлениями экстремистской направленности... понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части...” [10]. Имплементация данного положения в отечественное законодательство представляется также целесообразной ввиду того, что Российская Федерация также является участником Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в рамках которой осуществляется сотрудничество в области предупреждения выявления и пресечения, указанных в наименовании конвенции деяний.

Определение группы преступлений экстремистской направленности в уголовном законодательстве Кыргызской Республики должно осуществляться при непосредственном учете мотива преступления. Кроме того, должна учитываться общественная значимость общественных отношений, которые претерпевают негативное воздействие вследствие совершаемого преступления. Таким образом, считаем возможным выделение самостоятельной разновидности таких отношений.

Предлагаем понимать под преступлениями экстремистской направленности общественно

опасные противоправные уголовно-наказуемые виновно-совершенные деяния, которые направлены на подрыв общественной безопасности, конституционного строя и мира и безопасности человечества, основанные на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах. К таким составам следует относить статьи 226–229, 233, 259, 294–299.3, 373, 376 УК КР.

Литература

1. Закон Кыргызской Республики “О противодействии экстремистской деятельности” от 17 августа 2005 года № 150. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748> (дата обращения: 14.03.2018).
2. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ратифицирована Законом КР от 10 апреля 2002 года № 50. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17363> (дата обращения: 14.03.2018).
3. Эрлан Бакиев: “Религиозный экстремизм нужно предупреждать”. URL: <http://www.mvd.kg/index.php/rus/mass-media/all-news/item/4167-erlan-bakiev-religioznyj-ekstremizm-nuzhno-preduprezhdad> (дата обращения: 14.03.2018).
4. *Макеева И.С.* Экстремизм как уголовно-правовая категория / И. С. Макеева // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5.
5. *Кургузкина Е.Б.* Понятие экстремизма / Е.Б. Кургузкина // Научный портал МВД России. 2010. № 1 (9).
6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 69. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568/1170?cl=ru-ru&mode=tekst> (дата обращения: 14.03.2018).
7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года (вступает в действие с 1 января 2019 года). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru> (дата обращения: 14.03.2018).
8. *Кашепов В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности / В. Кашепов // Уголовное право. 2007. № 3.
9. *Сыдыкова Л.Ч.* Борьба с экстремизмом в Кыргызстане: проблемы законодательного регулирования / Л.Ч. Сыдыкова // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 6.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.03.2018).